

Литературная страница

Николай КАТКОВ

ГРИПА РАССКАЗ

В соцгородке, в однокомнатной квартире жила когда-то невысокого роста полноватая женщина с черными застенчивыми глазами и с таким же застенчивым, тихим гопосом. Черные, густые, длинные волосы она заплетала в косы и аккуратно укладывала на голове - такая прическа делала ее выше и привлекательней.

У нее были пухлые розовые губки - так и хотелось поцеловать ее попросту, словно премилое дитя. Она почти не улыбалась, но когда такое случалось, то собеседнику сразу бросался в глаза веселый блеск маленьких, плотных, ровных зубов. Словом, она была очень мила.

В ту пору ей только что исполнилось двадцать. У нее было очень редкое даже по тем временам имя - Грипа. Да и фамилия тоже не такая уж распространенная - Редькина.

Фамилия к ней вполне подходила. Жизнь у Грипы с самого малолетства была горькой. Война отобрала отца. Мать в ту же пухлую гонимую на лесоповале в Лесзаге попала под падающее дерево и вскоре скончалась в больнице.

Грипу хотели отправить в детдом, но одна женщина-одиночка, у которой муж погиб на фронте, взяла девочку к себе и воспитала как родную дочь.

В семнадцать лет Грипа вышла замуж. Но ей не повезло: муж шибко пил, и через три года зеленый змий утащил его в тополя, на тот свет. Молодая женщина осталась вдовушкой с двухлетним сынишкой Андреем на руках.

Через два месяца после смерти мужа у нее отобрали двухкомнатную благоустроенную квартиру и переселили в однокомнатную неблагоустроенную с полусгнившим полом, с разбитыми дверями.

Короче, жизнь у Грипы сложилась неважно. Из-за вечной нужды и забот она не замечала блеска своей улыбки и пылающих без косметики сочных губ. Да и нарядов роскошных, богатых у нее не было. Была парочка платьев из сатина, она их надевала по праздникам, иногда по выходным. Изрядно износились демисезонное и зимнее пальто из грубого сукна. Из обуви были только простенькие туфлишки, ботинки, кирзовые сапоги. Короче, и здесь молодой женщине нечем было блеснуть.

Нелегкая жизнь, бедность отеснили у Грипы заботу о собственной внешности на задний план. Она особо не следила за собой, не одергивалась, не оципывалась, подобно курочке. Иногда ее можно было увидеть с распущенными волосами, в помятом, а то и в грязном платье, которое задерживалось на крутых бедрах и оголяло выше колен полноватые ноги. Густые волосы, рассыпавшись, закрывали ее прямой стан и перекатывались волною у пояса, ниспадали до подколенок.

Такое случалось с нею, когда она просыпала и спешила с Андреем в детсад, а оттуда - на рудник, где работала в раздевалке гардеробщицей. Иной раз и вече-

ром она прогуливалась с сыном по деревянному полусгнившему тротуару или сидела с ним между двух молодых березок, не обращая внимания на то, что множество глаз смотрит на нее, раскосмаченную.

Узрев ее в таком неопрятном виде, некоторые женщины, особенно две подружки-домохозяйки Фрося и Прося, проживающие в том же доме, в котором жила Грипа, но только в другом подъезде, брезгливо морщили мясистые лица, лоснящиеся от жира, и говаривали:

- Фрося, глянь-ка, опять вылипла, вся измызганная - смотреть срамно. Видно, опять всю ноченку с Петром Клещевым или Пашкой Ерохиным жамкалась...

- Да нет, Прося, сиди они не были. Сиди какой-то мужик от нее в пятнадцать минут второго ночи выскочил. Незнакомый какой-то. А мож и знакомый, да в попутке не распознала...

А вот мужчины-бабники, увидев Грипу в помятом платье, рассуждали о ней совсем иначе:

- Эта бабеночка в любом наряде хороша!

- Эх, подкатиться бы к ней!

В соцгородке об одиноких женщинах сложилось непестное мнение: если живешь одна - значит, ты особа легкого поведения. О поведении их поступки толковали кривь и вкось, любой сомнительный случай истолковывали не в пользу одиночки. Словом, всех стригли под одну гребенку, хотя у каждой была своя судьба, большинство из них вели жизнь, достойную похвалы, не кидались в объятия первому встречному.

Но что подпеаешь со злыми языками, со строптивыми и скандальными людьми: их очень много, от них не избавиться, ибо таких создает сама природа. А если это творения природы, то они, видимо, необходимы в людском муравейнике. Для чего? Чтобы устраивать драмы, трагедии, причинять зло. Иначе говоря, они нужны в природе как средство укорачивания жизни - не только чужой, но и своей. Ведь лиходеи, скандалисты тоже беспокоятся, выходят из себя, даже болеют, если им не удается ужалить как следует намеченную жертву.

Так и Грипа стала жертвой злых языков. Все началось сразу же, как только ее перевезли в соцгород. Если уж быть точным - через три дня, в воскресенье.

Было окопо девяти часов утра. В чистых голубых небесах купалось яркое июльское солнце, орошая землю жаркими лучами. Рабочие рудника Петр Клещев и Павел Ерохин в одних футболках и трико сидели на павке около своего 16-квартирного деревянного дома в тени старого тополя, напротив точно такого же "дворца", и

который вселялась Грипа. Попыхивая "Беломором", они перебрисывались незначительными фразами, провозглашали или встречали безразличными взглядами прохожих или обменивались шутками со знакомыми из дома напротив.

В это время мимо них проходил казах Кадыр Аламбеков, тракторист жилищно-коммунального хозяйства, направляясь к соседнему дому.

- Эй, чернота, ты куда полер? - остановил его Клещев.

- Я... полер? Зачем полер? - переспросил удивленно Кадыр. И тут же, поняв вопрос, широко разудыбался: - Нелза говорить: большой секрет!

- "Большой секрет"! - перерезал Петр. - Все равно узнаем - не сегодня, так завтра. В тот дом свои ходили направил?

- Туда направил...

- Ну вот, одна треть твоего секрета уже раскрыта. А из сумки твоей торчит ножовка. Выходи к хохотушке какой-то прешь, шабашку сбить на пузирь. Точно я говорю!

- Так говорил, - подтвердил Кадыр.

- Вот видишь, половина твоего "большого секрета" нам уже известна. А сейчас понаблюдаем, в какие двери войдешь, и нам все станет ясно.

- "Большой секрет" надо ночью делать, когда все дрыхнут, - посоветовал Павел. - А теперь дыбай, вкладывай свой секрет.

- Э, какой хитрый мужик - засмеялся Аламбеков. Позабываю я баба гуда такой смазливый, маленький перетаскал трактором. Она приспала меня, пощипала, вишала, вешалка, подка прибивать и, не знаю, что еще прибивать скажет.

- Она разве одна жива? - спросил Павел.

- Зачем одна! Маленький ребеночка, вот такой ест. - Кадыр, нагнувшись, остановил ладонь четверти на три над землей. - Кароший пацан. А она совсем кароший! Смирный, смазливый такой. А мужик ее некароший был: много водка, бурда пил и пропал. Оделоклона, спирта много глотал и совсем пропал...

- Ясно, ясно! - воскликнул Клещев. - Значит, ты с нею хочешь закрутить шуры-муры?

- Зачем шуры-муры? - притворно рассердился Кадыр. - Полка прибивать будем, вешалка прибивать будем, а потом не знаю, что прибивать будем. Шуры-муры... - проворчал Аламбеков и направился к Грипе.

Часа через полтора, когда Клещев и Ерохин, выкурив еще по папиросе, собрались сходить к женам, чтобы выпросить по паре рублей на бутылку в честь воскресного дня, они вдруг увидели выходящего из подъезда Аламбекова с искаженным от боли лицом. Левою рукой он держался за голову выше уха и что-то сердито выкрикивал по-казахски - видать, какие-то проклятия.

/Продолжение следует/.

ИСПОЛНИЛОСЬ КУЗБАССУ ПЯТЬДЕСЯТ...

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Исполнилось Кузбассу пятьдесят. Всего полвека - это так немного. А впереди у всех у нас лежат больших свершений светлые дороги.

А кто мы есть? Не будем хвастать мы, но знаем, что из руд выходят стали. И, чтобы в жизни было меньше тьмы, мы глыбы света в недрах добывали.

Горячим сердцем бились мы в груди - в груди России, крепче год от года. Меняются эпохи и вожди, но не менялось мужество народа.

Своим трудом показывать пример

привыкли мы для всей страны Советской, и знаем мы, что бывший СССР не смог бы жить без доблести кузнецкой.

А как жилось, какой нам выпал путь, какие довелось поднять нам грузы, - вы можете, товарищ, заглянуть в историю Советского Союза.

Мы верили с начальных, давних пор, что время подойдет к такому часу, - и металлург, и химик, и шахтер, и фермер, всем ветрам наперекор, пройдут семьей счастливой по Кузбассу.

РЕЧКА ХОМУТИНА

Вьется речка темно-синяя, льется звонко чересчур, и зовется Хомутиною, и впадает речка в Ур.

Пусть на взгляд она неброская, но и в ней есть красота. Протекает возле Горского речка в виде хомута.

И поэтому название ей такое дал народ... Назначаются свидания у ее звенящих вод.

В Хомутине рыба водится, караси и пескари. Рыбаки здесь часто сходятся с наступлением зари.

Ежегодно-всем известно нам, - как наступит летний зной, здесь находит скот общественный аппетитный водопой.

И людей своей прохладою наградит всегда она. Много нам приносит радости хомутинская волна.

Над рекой утрами низкими часто стелется туман, будто войско водит Сизиков, местный бравый партизан.

Вереница туч нахмуренных над селом плывет подчас, будто смотрит взгляд Батурина осуждающе на нас.

Гнутся ивушка печальные - видно, то их тянет вниз, что мечты Игната Ляпина еще в жизни не сбылись...

Облака плывут таинственно, и сквозь них лучей пучок светит лампочкой Буинцева - той, что он в селе зажег.

Присмотреться да прислушаться, что творится в облаках... Вон, смотри - Василий Сушинцев мчит на серых рысаках.

И опять над Хомутиною, улыбаясь на весь мир, едет с длинной хворостиною Скороделов - бригадир.

Жили люди как хозяева, жили много-много лет. Возглавляемый Лапшаевым, боевым был сельсовет.

Люди все здесь добролицые. Дружен здесь народ, не груб. Шкопа есть в селе с больницей и хороший сельский клуб.

Много сделано здесь заново, не на шутку, а всерьез. Автоматика Грибанова крепко держит весь совхоз.

И над речкой Хомутиною песня радости плывет. Пусть село мое старинное богатеет и цветет!

Виктор ТРОЦ,
с. Новопестерево.

Примечания автора

Сизиков - командир партизанского отряда в 1918 году.

Батурина А.П. - председатель коммуны в 1920 г.

Игнат Ляпин - первый председатель Горского сельского Совета.

Буинцев Н.В. - работник Томского губисполкома, инициатор строительства электростанции на реке Ур /1924 г./.

Сушинцев В. - безвременно ушедший из жизни управляющий фермой № 1.

Скороделов Г. - бригадир - полевод, недавно ушедший из жизни.

Лапшаев И. - председатель сельсовета в 70-80-е годы.

Грибанов В. - главный инженер, работавший в совхозе с 1965 г.

Валерий ВЛАДИМИРЦЕВ

УРОК ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

* В экологической нише прячутся от кислотно-го дождя.

* Охотники стирали хищников с лица земли, чтобы оно было не таким зверским.

* Земля уже не полнится слухами о неисчерпаемости природных богатств.

* Взаимство, когда не слышишь, что человек человеку - друг, товарищ и брат!

* Дайте мне зеленую улицу, и она станет пустынной.

* Все есть, только птичьего пения не хватает.

* Красная книга СССР, который забыли внести в Красную книгу.

* Не срывай зло. Вырывай с корнем.

* Закон - тайга, сколько ее ни уничтожают.

* Одни расплавляются натурой, другие - природой.

* Может ли мокрая курица быть подру-

гой бойцового петуха?

* Ничто в природе не исчезает, а только прячется.

* В жизни всегда есть место подвигу: например, можно лягнуть мертвого льва.

* Экологически чистые продукты - для тех, кто почище.

* Самая гуманная технология не безлюдная, а безотходная.

* Не мешайте ползать, иначе пойду на все.

* Страшнее тиранозавров только домашние тираны.

* Если в зоопарке соорудить танцплощадку, звери точно убегут.

* Природа не храм, а мастерская, и человек в ней - ремонтник.

* И на древе поэзии есть соковы-разбойники.

г. Тольятти.